

Иду по улице и слышу: «Здравствуйте, Иосиф Виссарионович!»

НАРОДНЫЙ АРТИСТ РОССИИ ЕВГЕНИЙ КНЯЗЕВ —
О РОМАНТИЧЕСКИХ ПЕРСОНАЖАХ, МИСТИКЕ,
О ТОМ, ЧТО В ЖИЗНИ ПРОИСХОДИТ
ПО ВОЛЕ СУДЬБЫ, А ЧТО — ВСЕГО ЛИШЬ
«СЛУЧАЙ, СКАЗКА, АНЕКДОТ»

31 марта на сцене Александринского театра начинаются гастроли Театра имени Евгения Вахтангова. Евгений Князев — один из первых актеров труппы, в этом театре уже 33 года, а также ректор Театрального института имени Бориса Щукина. Сейчас мы можем видеть Евгения Князева в сериале «Орлова и Александров» в роли Сталина, а в рамках гастролей — в спектаклях «Маскарад» и «Посвящение Еве».

Накануне гастролей Евгений Князев согласился дать эксклюзивное интервью «ВП» по телефону.

МНЕ ПОВЕЗЛО ИГРАТЬ НА СЦЕНЕ, ГДЕ СТУПАЛИ ОНИ

— Евгений Владимирович, это правда, что вы могли стать ленинградским артистом?

— Правда. В середине 1970-х я, студент Тульского политеха, приехал в ваш город на практику, на Завод эскалаторостроения имени Котлякова. Полгода жил в Ленинграде, работал, а вечерами ходил в театры. Зашел и в Театральный институт на Моховой, тогда курс набирал Рубен Агамирзян, и я решил попробовать к нему поступить. На прослушиваниях он меня отметил, давал разные задания, много со мной разговаривал. Мне пришлось поставить вопрос ребром: поступлю или нет? Ведь если меня берут, то нужно бросать политех, уходить с 4-го курса! Рубен Сергеевич ответил: «Да, у вас серьезная дилемма, и я вас возьму». Мать не позволила: «Сначала закончи институт, а потом делай, что хочешь». Мол, одно дело инженером быть, а другое — артистом каким-то. Но я не жалею о том, как распорядилась судьба: уже имея диплом горного инженера, я поступил в Щукинское училище.

— Вы будете играть на сцене Александринки. Как думаете, это сакральное театральное пространство, которое помнит легендарный «Маскарад» Мейерхольда, сможет каким-то образом воздействовать на вас?

— Возможно. Я, кстати, видел на этой сцене великих ленинградских артистов Бруно Фрейндлиха, Игоря Горбачева, Николая Симонова. Был в этом театре и после того, как Валерий Фокин возглавил его и провел реконструкцию; смотрел спектакли — и восторгался российским залом. Тени прошлого я ощущаю. По крайней мере в Вахтанговском театре. Бывает, накатывает усталость, что-то не получается, становится совсем невмоготу — я смотрю на сцену... И представляется, что по ней идет Николай Гриценко. Или Михаил Ульянов. Или Юрий Яковлев. Или кто-то еще из великих вахтанговцев. И я думаю: «Боже, как же повезло мне, что я играю на сцене, где ступали они».

НЕПРАВДА, ЧТО ЗРИТЕЛЬ ОТУПЕЛ

— Старшее поколение труппы не всегда принимало поиски молодежи, и «Принцесса Турандот» 1991 года — попыт-

ка по-новому осмыслить главную легенду Вахтанговского театра — тому пример.

— Над этим спектаклем работала очень талантливая команда: режиссер Гарий Черняховский, художник Олег Шейндис... Мы все попытались прочитать сказку Гоцци с сегодняшней точки зрения, донести жестокость сюжета. Принцесса Турандот отрубает головы всем, кто, сватаясь к ней, не отга-

— Вот проходит мимо Лановой — я к стенке прижимаюсь: «Здравствуйте, Василий Семенович!» А он отвечает так степенно: «Здравствуй», — и дальше идет. А я понимаю, что он даже не знает, с кем поздоровался. Но потихонечку, потихонечку, от одной роли к другой — и я уже перестаю жаться к стенке. А вообще у нас с Лановым забавно получилось: я ведь стал его начальником! — когда меня больше 10 лет назад выбрали ректором Щукинского, а Василий Семенович там много лет преподает, он профессор и завкафедры сценречи.

дывает ее загадки. Наш спектакль был мрачен. Ставя пьесу Гоцци в начале 90-х, в очень жесткое время, мы не могли увидеть ее иначе. А старшие вахтанговцы, естественно, не могли этого принять.

— Сегодня вы уже сами старший вахтанговец. В театр приходит новое поколение; вообще мир меняется. Вы воспринимаете это скорее спокойно или скорее трагически?

— Скорее спокойно, потому что нет времен лучше или хуже. Времена одинаковы, и их не выбирают. Повторять за одним из персонажей «Маскарада»: «Не правда ли, что древле / Все было лучше и дешевле?» — я не стану. Во все времена спектакли были как легкомысленные, так и глубокие, люди встречались — как подлецы, так и идеалисты. И сейчас есть хорошие спектакли и хорошие люди. Я очень горжусь нашим театром. Говорят, мол, зритель отупел, ему только развлечения подавай. Нет. Вот я сейчас иду со спектакля Римаса Туминаса «Улыбнись нам, Господи». В нем затрагиваются серьезные проблемы, межнациональной розни в том числе, он длится более трех часов — и идет при полном зале.

НОСТАЛЬГИЮ ПО СОВЕТСКИМ ВРЕМЕНАМ НЕ РАЗДЕЛЯЮ

— В театре вы часто играли романтических персонажей былых эпох: Казанову, Шопена, Арбенина. В кино же часто оказываетесь в советском времени: то Мессингом (даже в разных сериалах), то Троцким, то Сталиным. В последние годы эта эпоха пользуется популярностью у

кинозрителя. Кажется, что, несмотря на ужасы советской жизни, он предается ностальгии. Вы разделяете ее?

— Советская эпоха — феномен интересный: она и близка и далека одновременно. Готов ли я разделить ностальгию? Никогда. Во-первых, нельзя ностальгировать по тому времени, в котором ты не жил. (Я ведь не был свидетелем ВСЕЙ советской эпохи.) А потом, не будем жаловаться, что «не родилась в те года, / Когда звенела и дымилась, / На берег рухнувши, вода» (строки Павла Когана. — Прим. авт.). Может, кто-то и видит в советской эпохе некий романтизм, но что теперь: защищать ее, оправдывать ее ужасы? Только представишь, в каких условиях жили люди, — дурно становится. Куда, куда мне мысленно возвращаться? В 90-е, страшные годы? Или в 80-е, когда была повсеместная разруха? Моему поколению досталось лихое. Преимущество перед другими поколениями только в том, что войны не было. Да и то: была же и афганская война, и чеченская.

— Очевиден магический ответ в ваших ролях: в театре — Германн в «Пиковой даме» Фоменко, Арбенин у Туминаса; на телевидении — Вольф Мессинг, отец Ванги. Оказывал ли подобный материал мистическое воздействие на вашу жизнь?

— Я к этой теме отношусь спокойно, трезво. В «Пиковой даме» интонационно выделены три слова: случай, сказка, анекдот. Пушкин не говорит однозначно, в какой реальности происходят события; скорее всего, в больном воображении Германна, который услышал анекдот о трех картах, поверил в эту сказку, — и она привела его к гибели. Или

трагическая развязка в «Маскараде» — воля рока или же просто стечение обстоятельств? — тоже вопрос.

Случилась ли со мной некая мистика после сериала о Мессинге? Кто его знает. Разве только в том, что на эту роль меня утвердили без проб. Разве такое бывает, чтобы на главную роль — и без проб? Просто позвонил режиссер: дескать, буду снимать фильм о Мессинге и приглашаю тебя. Правда, когда после окончания съемок я пришел на могилу Мессинга, то почувствовал необходимость мысленно произнести: «Вольф Григорьевич, не знаю, как вы бы отнеслись к моей работе, но я никоим образом не хотел вас обидеть».

Не верю я как-то в мистическое воздействие ролей на артиста. Не так давно ко мне обращались в жизни как к Мессингу. И что? Теперь обращаются как к Сталину. Иду по улице и слышу: «Здравствуйте, Иосиф Виссарионович!» Что мне остается? Отвечаю с акцентом: «Здравствуйте, товарищи!» После Мессинга кто-то, кто поглупее (смеется), на полном серьезе просил меня предсказать будущее. А кто-то просто подходил со словами: «Спасибо за вашу работу! Мы увидели на экране настоящего героя — трепетного, благородного, любящего. Таких бы побольше в жизни».

— Критики видят в вас черты романтического героя. И зовут вас Евгений (в переводе «благородный»). — Прим. авт.) Князев — подходящее имя для актера на роли, отпущенные вам судьбой...

— Я не думал об этом, но, действительно, интересное совпадение. Кстати, одна из рецензий на «Маскарад», затронувшая проблему моего амплуа, называется «Рыцарь уходящей натурь». Что мне сказать в ответ на ваше замечание? Разве что: мне мое имя нравится!

Беседовал Евгений АВРАМЕНКО

Фото: Владимир Мешагин/ТАСС